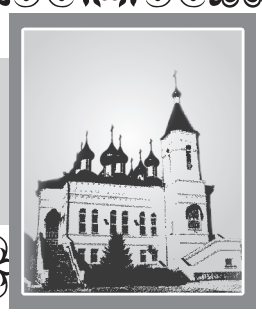
Еженедельное издание церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь № 12 (300) 21 марта 2015 г.

ПОКРОВСКИЙ ЛИСТОК



Слово пастыря

Пост – время покаяния, время, когда наши окаменевшие сердца должны силой Божией превратиться в сердца плотяные, из бесчувственных стать чуткими, из холодных и жестких стать теплыми и открытыми для других и для Самого Бога.

Пост – это время обновления, когда, как весной, все опять становится новым; когда наша жизнь, постепенно сошедшая на нет, едва мерцающая, снова оживает с силой, которую Бог может дать нам, приобщая нас к Своему Святому Духу, делая нас в Святых Тайнах и в прямом даре Самого Себя причастниками Божественной природы.

Это время примирения, а примирение – это радость Божия и наша радость; это – новое начало.

Сегодня совершается память святого Иоанна Лествичника, и я хочу прочитать вам несколько из его слов, особенно значительных для того периода церковного года, который мы сейчас переживаем: «Покаяние – это наше возвращение к Богу, обновление нашего крещения; это подвиг, чтобы обновить наш союз с Богом, наш обет изменить свою жизнь. Это время, когда мы можем научиться смирению, то есть миру: миру с Богом, миру с самими собой, миру со всей тварью. Покаяние рождается от надежды и решительного отказа от отчаяния. И кающийся – это тот, который заслуживает осуждения, но уходит с предстояния суду без стыда и позора, потому что покаяние – это наше примирение с Богом. И достигается это через достойную жизнь, через войну с грехами, которые мы совершали в прошлом. Покаяние – это очищение нашей совести. Покаяние – это готовность, без слова ропота и в преображении любовью, понести всякую печаль и всякую боль».

И если мы спросим себя, как, каким путем достичь этого, как мы можем отозваться Богу, Который принимает нас, как отец принял блудного сына, Богу, Который столько ждал нас, с тоской, когда мы отвергли Его, и никогда не отвернулся от нас – то вот еще короткий отрывок о молитве: «Не изощряйся в молитвенном красноречии; потому что нашего Небесного Отца часто радует и застенчивый, немудреный лепет детей. Не многословь, когда разговариваешь с Богом, потому что иначе, изыскивая слова, ты запутаешься в них. За одно только слово Бог помиловал мытаря; одно слово веры спасло разбойника на кресте. Многословие в молитве рассеивает ум и наполняет его обилием образов. Единое же слово, обращенное к Богу, собирает ум в Его присутствии. И если, когда молишься, какое слово ударило тебя в сердце, достигло самых твоих глубин, – держись этого слова, повторяй его, ибо в такие минуты сам Ангел-хранитель молится с тобой, потому что тогда мы правдивы и верны самим себе и Богу».

Станем же помнить, что говорит святой Иоанн Лествичник, даже если забудутся мои пояснения; станем помнить его слова, потому что он был человеком, который знал, что значит обратиться к Богу и остаться с Ним, быть радостью для Бога и радоваться о Нем. Память и личность святого Иоанна Лествичника предлагаются нам сейчас, когда мы восходим к страстным дням, в пример того, как благодать Божия может обыкновенного человека претворить в светильник миру.

Научимся от него, станем следовать его примеру, станем радоваться о том, что Бог может Своей силой сделать с человеком; и с уверенностью, с надеждой, с ликующей и вместе с этим тихой, невозмутимой радостью последуем этому совету прислушаться к Богу, умоляющему нас найти путь жизни и говорящему нам, что с Ним, в Нем мы будем живы, потому что Он есть Истина, но также и Путь, и Жизнь вечная.

Грех убивает все в жизни – и меньше всего мы ощущаем его как смерть. Плачем мы обо всем, сетуем обо всем, горюем обо всем, кроме как о том, что заживо умираем, что постепенно вокруг нас образуется непроходимое кольцо отчужденности и от грешника, и от праведника, и от Бога, что это кольцо не может разомкнуться даже любовью других, потому что нам тем более стыдно и страшно, чем больше нас любят... Вот почему в самую основу нашего спасения, нашего покаяния Иоанн Лествичник ставит призыв к тому, чтобы мы плакали о своих грехах.

Почему плакали? Мы знаем из своего опыта, что только тогда мы можем заплакать, когда горе, или радость, или стыд, или ужас пронзят душу, как копье, что только когда доходит наше страдание до предела, вырываются из нас слезы... До этого бывает раскаяние – и с этого надо начать: ужаснуться о том, что мы могли так поступить, что мы могли такими быть; а затем придет и покаяние, то есть тот решительный, беспощадный к себе оборот души, который ставит нас лицом к лицу перед Богом, повергает нас к Его ногам, учит нас просить исцеления, очищения, милости, прощения – и не себе только, но и жертвам нашей греховности.

И потом, когда сознание наше доходит до такой остроты и глубины, что нам уже невыносима отчужденность от Бога, сознание совершенного нами духовного преступления убийства себя и другого – только тогда могут из наших глаз вырваться очищающие слезы. Пока мы не умеем плакать о грехах, мы можем с уверенностью сказать, что мы их еще не осознали, что мы еще нечутки, что мы холодны, что мы еще во грехе.

Подумайте каждый о своей жизни, о каждом грехе, вдумайтесь строго и беспощадно; и принесите Богу сначала раскаяние, потом – истинное, все растущее покаяние, пока не прорвется из сердца поток слез и мы не сможем сказать: «Каюсь, Господи, поистине!» – и в этих слезах не омоемся от грехов своих. Аминь.

Митрополит Антоний Сурожский

Душеполезные поучения

«У людей, мало молящихся, слабо сердце: и вот, когда они хотят молиться, оно расслабляется и расслабляет их руки, тело и мысли, и трудно им молиться, но надо преодолеть себя, постараться молиться всем сердцем: потому что хорошо, легко молиться всем сердцем.

До лицемерия человек доходит не вдруг, а постепенно. Сначала он, может быть, молился от сердца, но потом, так как молиться всегда сердцем составляет значительный труд, к которому надо всегда принуждать себя, так как *Царство Небесное усилием берется* (Мф. 11, 12) он начинает молиться более устами, поверхностно, а не из глубины души, так как это гораздо легче.

Наконец, при усиленной борьбе (против него) плоти и диавола, человек молится только устами, не доводя до сердца силы слов молитвенных. Таких людей очень много. Господь говорит об них: «Приближаются ко Мне люди сии устами своими и чтут Меня языком своим: сердце же их далеко отстоит от Меня» (Мф. 15, 8)» ***(Прав. Иоанн Кронштадтский, 1829-1908).***

«В свете ничто так не помогает молитве, как терпение скорбей и любовь к ближним» ***(Прп. Анатолий Оптинский (Зерцалов), 1824-1894).***

«Молитва служит выражением отношения нашего к Богу. Когда молитва хороша, тепла, усердна, внимательна, тогда и отношение наше к Богу хорошо. Тогда и все хорошо» ***(Свт. Феофан, затворник Вышенский, 1815-1894).***

«Тот умеет хорошо жить, кто умеет хорошо молиться» ***(Блж. Августин, 354-430).***

«Не употребляй в молитве твоей премудрых выражений; ибо часто простой и неухищренный лепет детей был угоден Небесному Отцу их.

Не старайся многословить, беседуя с Богом, чтобы ум твой не расточался на изыскание слов.

Если ты в каком-либо слове молитвы почувствуешь особенную сладость или умиление, то остановись на нем; ибо тогда и Ангел хранитель наш молится с нами.

Кто стяжал Господа, тот уже не скажет своего слова в молитве; ибо Дух Святой тогда молится о нем, и в нем» ***(Прп. Иоанн Лествичник, VI-VII вв.).***

«От себя без Духа Святого ни один человек не может призвать Господа Иисуса чисто и совершенно, если не будет молиться в Духе Святом, более лепеча, как младенец, неспособный произнести слов раздельно» ***(Прп. Григорий Синаит, ок. 1268-1346).***

«Да не соблазнит тебя желание без сказанного внутреннего позыва и нуждения слагать самому свои молитвы... Без тщеславия и самомнения не обойдешься, а эти порождения заглушают молитву настоящую и подавляют ее. Полная и настоящая молитва есть, когда с словом молитвенным и молитвенною мыслию сочетается и молитвенное чувство» ***(Прп. Никодим Святогорец, 1749-1809).***

«О том, чтобы молиться нам чужими молитвами (гордое противопоставление своей молитве): пример нам Христос. Его молитвенные вопли на кресте – цитаты из псалмов – «Боже мой, вскую мя оставил еси» (Пс. 21. 2), «В руки Твои передаю дух мой» (Пс. 30, 6)» ***(Свящ. Александр Ельчанинов (1881-1934).***

Вопросы священнику

Как совместить мое послушание с молитвой?

Избегайте двух крайностей: небрежности в работе и пристрастия к работе, которое легко соединяется с тщеславием; в таком случае работа со страстью поглощает больше сил, чем требуется, и изматывает человека. Трудитесь добросовестно, а результат предоставляйте воле Божией. Не огорчайтесь, если, несмотря на ваши усилия, работа не будет ладиться, и, наоборот, не приписывайте себе успех, если вас будут хвалить. Бог от нас хочет произволения – остальное в Его руках. Не сами труды, а наше отношение к труду отнимают у нас молитву и наполняют ум помыслами. Старайтесь приобрести Иисусову молитву: она дополнит неисполненное правило.

У меня ребенок со слабой нервной системой. Трудно правильно найти границу между дозволенностью (не избаловать бы) и строгостью (не обидеть бы). Как поступать? Как правильно водить в храм?

Нет точных правил для воспитания ребенка; здесь должны действовать любовь и интуиция матери. Не наказывайте его в состоянии гнева, а если надо сделать строгий выговор, то перед этим скажите ему, что видите его положительные качества и желаете, чтобы он стал еще лучшим. Если ребенку трудно стоять в храме, то устройте так, чтобы часть службы он сидел бы.

При поисках духовного отца сталкиваюсь с думя трудными моментами. Во-первых, я вбил себе в голову, что если священник не ходит постоянно в рясе или подряснике, а переодевается в них только на службу, то это вроде бы и не настоящий (в моем представлении) священник. Во-вторых, я журналист, знакомые священники об этом знают и поэтому при общении наталкиваюсь на некоторую настороженность, так как они видят во мне в первую очередь журналиста.

Если священник одевает светский костюм, то это доказывает только слабость его воли и зависимость от окружающего мира; однако благодать священства остается одной и той же. Еще до революции православным священникам, живущим и служащим в неправославных европейских странах, в целях икономии было дано Синодом разрешение – носить вне храма штатскую одежду. В недавний период гонений священнослужителям также приходилось скрывать свой сан, и даже старцы в некоторых случаях одевались так, чтобы не быть заметными. Но, разумеется, икономия, вызванная чрезвычайными обстоятельствами, не может стать правилом или обычаем.

Насчет опасения вас как журналиста, могу сослаться на пословицу: «Обжегшись на молоке – дуешь на воду». Разумеется, среди журналистов есть много искренно верующих и честных людей, но, к сожалению, есть немало нахалов, которые имеет одну цель: своей писаниной произвести эффект во чтобы то не стало. Однажды журналист попросил меня ответить на ряд вопросов, записав их на магнитофон, а когда мне принесли газету с интервью, то я не поверил своим глазам: он написал то, что хотел, и до неузнаваемости исказил мои мысли. Что же делать. Вы сами знаете свою «братию» лучше, чем я. Когда близко подходит цыган или цыганка, то инстинктивно держатся за карман, где кошелек, хотя среди цыган немало порядочных людей.

Думаю, что от близкого общения с вами у священников постепенно пройдет настороженность и напряженность и, может быть, отношение к журналистам вообще изменится.

Архимандрит Рафаил (Карелин)

Новости Православия

15.03.2015. **В Донецке икона спасла пенсионеров от гибели во время обстрела.** Снаряд влетел в дом пожилой пары в тот момент, когда они отдыхали в спальне. Крыша дома не упала на пенсионеров лишь благодаря иконе с образом святого великомученика Пантелеимона-целителя, которую пожилые люди поставили в красный угол за несколько дней до артобстрела и которая остановила падение потолка, приняв на себя его вес, сообщает сайт Православная жизнь.

16.03.2015. **Старец Ефрем Ватопедский: «Прошу украинский народ держаться канонической Церкви».** Игумен Афонского Ватопедского монастыря архимандрит Ефрем, обращаясь к украинскому народу со Святой Горы Афон, призвал «держаться канонической Церкви, канонического предстоятеля и канонического Синода». Об этом сообщает пресс-служба УПЦ. Старец Ефрем сказал эти слова во время встречи с Предстоятелем УПЦ Блаженнейшим митрополитом Онуфрием, который на прошлой неделе посетил Афон.

18.03.2015. **Святейший Патриарх Кирилл совершил отпевание писателя В.Г. Распутина.** В кафедральном соборном Храме Христа Спасителя г. Москвы Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл совершил отпевание писателя Валентина Григорьевича Распутина, скончавшегося 14 марта. Об этом сообщает Патриархия.ру. В числе тех, кто в этот день посетил кафедральный собор, чтобы проститься с выдающимся писателем, был Президент России В.В. Путин.

19.03.2015. **Митрополит Константинопольской Церкви: «Мы не называем их «киевским патриархатом». Они раскольники».** Митрополит Сасимский Геннадий заявил: «В нашей Церкви мы не называем «киевский патриархат» Киевским патриархатом. Мы называем их раскольниками, чтобы не было впечатления, что мы их признаем. Они могут себя называть, как хотят, но их не признает ни одна Церковь».

20.03.2015. **В Польше из-за сослужения с киевскими раскольниками закрыт монастырь.** В Перемышльской епархии решением Синода Польской Православной Церкви из-за сослужения с раскольниками так называемого «киевского патриархата» закрыт монастырь. Наместник запрещен в служении.

«Небесный огонь» и другие рассказы Олеси Николаевой

Продолжение. Начало в № 20 (256)

По вечерам ходила на всякие там поэтические встречи, вечера поэзии и так далее. Родители очень за меня беспокоились и решили отправить на зимние каникулы в Гагры, в пустующий по зимнему времени дом творчества писателей. Его пытались заполнить шахтерами, но и те ехали туда без особой охоты. Чтобы как-то скрасить скуку, они по вечерам ходили на танцы, которые устраивались прямо в столовой. Причем женщины танцевали с женщинами, а мужики – с мужиками.

Как-то раз, сидя в своей лоджии, выходящей прямо на море, и следя за багровым солнцем, медленно склоняющимся долу, я вдруг испытала странное ощущение – меня целиком охватила решимость тотчас же, немедленно позвонить обещанному мне будущему мужу. Этот порыв воли был так иррационален, что я засомневалась: от меня ли он исходит, тем паче что телефона я не помнила наизусть, – он был где-то у меня записан и остался в Москве, да и звонила я лишь единожды – насчет шпаргалок. И если бы это не звучало столь пародийно, я бы описала это так: «Какая-то неведомая сила взяла меня в оборот и потащила на близлежащий переговорный пункт». Но в том-то и дело, что все происходило именно так. Я вышла в метельные сумерки, стараясь мысленно ничего не исследовать и не сомневаться, а просто подчиняться. Я даже заставила себя не думать, что вот сейчас я наменяю для переговоров монет (кажется, пятнадцатикопеечных), а какой же номер я наберу? Нет, я просто пошла к автомату, сняла трубку и позволила руке самой, как ей вздумается, потыкать в разные кнопки…

И трубку взял он.

– Привет, – сказал он радостно. – Ты куда пропала? Я сижу и жду твоего звонка. Приходи ко мне завтра в гости.

– Приду, – радостно откликнулась я, стоя в будке на переговорном пункте в городе Гагры.

Через полчаса вещи мои были запихнуты в чемодан, через час я уже садилась на электричку, следующую в Адлер. А еще через два часа я предстала пред очами начальника аэропорта, умоляя посадить меня на самолет, летящий в Москву.

На следующий вечер я, как мы и договаривались, пришла в гости и, чувствуя, как дрожат у меня от страха поджилки, старалась говорить только о возвышенном и прекрасном. Тем паче что на письменном столе моего собеседника я увидела раскрытую книгу, лежащую вверх обложкой. На ней было написано: «Шеллинг. Система трансцендентального идеализма». Именно в эту систему мне очень хотелось попасть.

* * *

На сей раз мы решили пересечь остров в его срединной части, чтобы оказаться на противоположном нашему – западном – берегу. Там, в Ангелокастро, до сих пор возвышается на горе неприступная средневековая крепость, а чуть южнее – в Палеокастрице – есть монастырь с чудотворной иконой «Неупиваемая Чаша». То тут, то там вдоль узкой извилистой дороги попадались селенья с удивительными розовыми домами, увитыми вьющимися растениями и приветствующие путников неизменной алой бугенвиллией, росли огромные пальмы, лимоновые деревья в желтых лимончиках и могучие кактусы, увешанные сочными оранжевыми грушевидными плодами. Мы даже остановились у одного такого бесхозного кактуса и сорвали несколько штук. На вкус они напоминают одновременно инжир и киви. Всюду царило благолепие и безмятежность. Местные греки, если таковые и встречались нам, разъезжали на велосипедах или беседовали, сидя в тавернах за стаканчиком доброго местного вина и неприхотливой закуской – тцацики, саганаки, мусакой или даже клефтикой. Что-то не чувствовалось, чтобы здесь где-то шла битва за урожай или страда. Просто был прекрасный жаркий сентябрьский день, и небо было высоко и безмятежно, и жизнь хороша, и почему бы между делом не подкрепиться в таверне в компании соседей, или родственников, или друзей, обсуждая новости…

Монастырь в Палеокастрице действующий. Там живут пятнадцать монахов. Поэтому днем, когда нет богослужения, он закрыт. А открывают его лишь перед литургией и перед вечерней службой. Мы дождались положенного часа и подошли к чудотворной иконе Матери Божией, со всех сторон увешанной традиционными серебряными приношениями.

Мне вспомнился один наш друг – священник, служащий в подмосковном храме в честь иконы «Неупивамая Чаша». Там всегда бывает множество народа, особенно женщин, которые приезжают специально, чтобы заказать молебен о своем муже-пьянице. Они горячо молятся: «Господи, сделай так, чтобы мой муж бросил пить», – и горько, горько плачут. И вот одна такая женщина – из молящихся и плачущих – вдруг приходит к этому священнику с претензией:

– Я у вас тут в прошлое воскресенье молебен заказывала водосвятный, чтобы Васька мой перестал пьянствовать. Так он и перестал – родимчик его хватил, лежит теперь парализованный, пальцем пошевелить не может. Что это у вас за методы такие? Я так не договаривалась. Уж лучше пусть все обратно вернется. Пусть уж он лучше пьет, чем так-то кулем лежать. Сделайте, батюшка, как было.

«Не знаете, чего просите».

А вот у моих друзей – Таты и Марика – процесс чудесного исцеления от алкоголизма прошел куда менее болезненно. Марик – человек богемный, эмоциональный, поэт к тому же. И вот он пил каждый день – то чтобы снять стресс, то чтобы преодолеть уныние и взбодриться. С утра он выпивал пивка, потом по дороге в журнал, где он работал, подкреплялся из железной банки «шейком», днем во время обеда опять обращался к пивку, на обратном пути брал в киоске какой-нибудь джин-тоник, а уж вечером дома позволял себе немного расслабиться бутылочкой вина. Самое ужасное было то, что эта последняя «расслабляющая» бутылка вина оказывала на него непредсказуемое иррациональное воздействие: или он засаживался писать стихи, или устраивал истерику и кричал о том, что вокруг все бездари и поэтому его не признают, или с наслаждением оскорблял Тату, и дело доходило даже до рукоприкладства, порой с криминальным оттенком: там было все – сломанные ребра, ссадины и гематомы, кровь из носа, сотрясение мозга… Тата убегала от него в ночь, находила пристанище, принимала твердое решение с ним развестись, но на следующий день Марик буквально приползал на коленях и целовал землю, по которой гипотетически могла ступать Татина нога, рыдал, заламывая руки, клялся бросить пить, и она в конце концов давала ему «последний шанс». Он, бывало, даже зашивался, но это ввергало его в мрачность, он переставал писать стихи и тогда «расшивался», опять принимался с утра за пивко, и все опять начиналось по новому кругу. Так продолжалось больше двадцати лет.

И вот мы с Татой стали вместе ходить в храм и заказывать молебны Матери Божьей, чтобы Сама Царица Небесная вмешалась и подействовала на Марика.

И что же? Через весьма малое время у него на лице появились… прыщики. Он стоял перед зеркалом, разглядывая их, и мочил каким-то лосьоном. Но лосьон их не брал. Тогда он обратился к врачам. Они сказали: это у вас печень. Вам пить никак нельзя – весь будете в прыщах. А Марик вообще-то видный такой мужик, и оказалось, что сам он этим очень дорожил, так что прыщики повергли его в полное расстройство. И он даже бросил пить ради красоты лица.

– Надо же, – говорила Тата, – какой инструмент воздействия нашла для него Матерь Божья – прыщики! Ты знаешь, у него же и ишемия, и предынфарктное состояние было, и это его не останавливало! Но прыщики на лице!

…У моей крестной матери Татьяны был муж-алкоголик. Он каждый день выпивал. А если не выпивал, то глотал нембутал. А если не нембутал, то забивал мастырку (ему приносили). Одновременно это был талантливейший, умнейший человек, писатель, классик детской литературы С. В истории болезни у него было написано: «Шизофрения в паранойяльной форме, алкоголизм, полинаркомания, печатается в «Мурзилке», передается по радио». С. это комментировал так:

– Я сам – сумасшедший, а моя жена – «жена писателя».

И еще он говорил:

– Чтобы быть в этой стране сумасшедшим, надо иметь крепкую психику и железные нервы.

И еще он говорил:

– Если ты хочешь прикинуться сумасшедшим, говори правду и только правду.

Если он выходил из дома, он непременно попадал в какую-нибудь историю, и потому о нем говорили, как о гоголевском Ноздреве, что он – человек исторический. «Мать Татьяна» ходила за ним, как за малым ребенком, вечно приставляла к нему «телохранителей» из числа друзей. Но особенно ее тревожил этот каждодневный кайф, в котором пребывал ее муж, и больше всего она боялась, что он не спасется.

– Генька, – говорила она, – сам апостол Павел писал, что пьяницы Царства Божьего не наследуют!

Она испробовала все: и лечила его, отдавая в больницу, но там он убалтывал санитаров, нянечек и даже медсестер, и они исправно поставляли ему и спирт, и таблетки; молилась за него по монастырям и даже купила ему дом в деревне, чтобы он мог испытать на себе благотворное воздействие родной природы, вдохнуть полной грудью сладкий и приятный дым Отечества и отлежаться, как Емеля, на горячей русской печи. Но избу спалили пьяные рыбаки. Она пробовала приглашать в дом верных друзей, чтобы они, бросившись грудью на амбразуру, влили в себя побольше запасов спиртного, а ему поменьше досталось. Она сама чуть было не стала жертвой «синдрома жены Нейгауза». Жена Нейгауза, как только видела у мужа водку, тут же самоотверженно пыталась ее истребить, заливая в себя, чтобы сказать ему: «А больше ничего нет!» И так, бедная, спилась, зато он окончил свои дни вполне благополучно, еще и бурный роман с юной француженкой-пианисткой успел закрутить…

Вот и Татьяна мужественно применяла тот же метод, то есть, по сути, «клала душу свою за други своя», только сумела вовремя остановиться. И вообще она создавала в доме атмосферу нормальной жизни, где все шло своим чередом: приходили редакторши, которым С. надиктовывал свои чудесные рассказы о путешествиях и зверях; собирались друзья, вечно кто-то праздновал свой день рождения, именины, годовщину свадьбы, защиту диссертации, открытие выставки, выход новой книги; то сосед забегал на минутку по какому-то делу, да так и оставался, заслушавшись и засмотревшись; то некий иногородний знакомец останавливался на ночлег; то странствующий монах получал приют. Создавалась странная ситуация, когда сюда, в этот теплый хлебосольный дом, где Татьяна всех угощала в буквальном смысле – от души, устремлялись люди, внешне будто бы куда более обустроенные и благополучные, чем сами хозяева, чтобы получить здесь утешение и любовь, примириться с жизнью.

С. после возлияний лежал на диване, как древний патриций, вокруг него восседали гости – порой это были люди, вроде бы вовсе не совместимые между собой, окажись они где-то в другом месте, и он рассказывал им такие потрясающие истории, которые потом передавались из уст в уста, постепенно утрачивая свое авторство и превращаясь в фольклор. С. был мастер устного рассказа, виртуоз парадокса.

Было время, когда Татьяна тайком разбавляла водку водой, причем пропорции последней все увеличивались и увеличивались, пока в рюмке С. не оказалась чистая вода. Он выпил и удивленно сказал:

– Ну надо же, до чего дошло! Пью – и не пьянею.

Потом Татьяна узнала, что в Белгородской области, в поселке Ракитное, живет удивительный православный старец, по молитвам которого совершаются чудеса. И повезла С. к старцу. Это был архимандрит Серафим (Тяпочкин). Он принял его с любовью, обнял и сказал:

– Что же вы, дорогой, так долго ко мне не приезжали!

И благословил их поселиться у местной старушки, каждый день приглашая обедать в свой священнический домик.

Целыми неделями, а порой и месяцами мои друзья в ту пору жили около старца. С. общался с приезжавшими сюда священниками и монахами и сам стал выглядеть столь благообразно, что порой его в церковном дворе принимали за священника и просили благословения. Бог знает, к каким чудесным переменам жизни это могло привести, но тут старец умер, и мои друзья утратили свое благодатное пристанище, вернувшись в Москву, где их опять закружил этот безумный вихрь гостей, страстей…

Но Татьяна верила, что Господь исцелит ее Геньку, и все время отправлялась по монастырям, припадая к старцам с просьбой помолиться о ее «Геньке».

Продолжение следует

Отечник

Вот что рассказывал пресвитер Дионисий об отшельнике авве Иоанне. «Однажды старец совершал прогулку в окрестностях Соха, поблизости от своей пещеры. Прохаживаясь, он увидел огромного льва, тот приближался к нему. Шел он по очень тесной дороге, лежавшей между двух изгородей, которыми поселяне огораживают свои пашни, разводя колючие растения. Из-за этих растений дорога была так узка, что по ней едва мог пройти один только пеший и притом без всякой ноши. Да и он-то беспрепятственно едва ходил. Старец и лев приблизились друг к другу. Ни старец не стал возвращаться, чтобы дать пройти льву, ни лев не мог повернуться из-за тесноты. Увидев, что слуга Божий не намерен возвращаться, лев, встав на задние лапы и выпрямившись, прижался к изгороди и, надавив на нее тяжестью и силой своего тела, образовал небольшое пространство, так что праведник мог беспрепятственно пройти. И старец пробрался, слегка задев спину льва. После того лев опустился с плетня и пошел дальше».

Воскресные и праздничные проповеди настоятеля церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь архимандрита Василия (Карпова) доступны для прослушивания и скачивания на сайте храма

http://pokrovka-tiras.narod.ru/

Православный календарь

22 мар., вс. – Неделя 4-я Великого поста. Прп. Иоанна Лествичника (649). 40 мучеников, в Севастийском озере мучившихся (ок. 320). Мч. Урпасиана (ок. 295). Св. Кесария, брата свт. Григория Богослова (ок. 369). Прав. Тарасия.

23 мар., пн. – Мчч. Кодрата и иже с ним иных многих (258). Мчч. Кодрата Никомидийского, Саторина, Руфина, и прочих (III). Прп. Анастасии Патрикии (567-568).

24 мар., вт. – Свт. Софрония, патриарха Иерусалимского (638-644). Свт. Евфимия, архиеп. Новгородского, чудотворца (1458). Прп. Софрония, затворника Печерского (XIII). Свт. Софрония, еп. Врачанского (1813) (Болг.). Перенесение мощей мч. Епимаха.

25 мар., ср. – Прп. Феофана исп., Сигрианского (818). Прав. Финееса (ок. 1500 до Р.Х.). **Свт. Григория Двоеслова, папы Римского (604). Прп. Симеона Нового Богослова (1021).**

26 мар., чт. – Перенесение мощей свт. Никифора, патриарха Константинопольского (846). Мч. Савина (287). Мчч. Африкана, Публия и Терентия (III). Мч. Александра (305-311). Мц. Христины Персидской (IV). Прп. Анина пресвитера.

27 мар., пт. – Прп. Венедикта Нурсийского (543). Свт. Евсхимона исп., еп. Лампсакийского (IX). Блгв. вел. кн. Ростислава-Михаила (1167). Свт. Феогноста, митр. Киевского (1353).

28 мар., сб. – ***Похвала Пресвятой Богородицы (Суббота Акафиста).*** Мч. Агапия и с ним семи мучеников: Пуплия, Тимолая, Ромила, двух Александров и двух Дионисиев (1,2) (303). Сщмч. Александра, иерея в Сиде (279-275). Мч. Никандра (ок. 302).

Еженедельное издание церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь. Главный редактор – настоятель храма архимандрит Василий (Карпов). Наш адрес: 3300, Молдова, г. Тирасполь, ул. Кутузова, 201. Тел. (+373 533) 2-46-97. Набор и верстка – на оборудовании редакции. Отпечатано в полиграфическом предприятии ООО «Теслайн» по адресу: г. Тирасполь, ул. Фурманова, 1. Объем – 1 печатный лист. Тираж – 120 экз.

Уважаемые читатели! Просим вас не использовать газету в бытовых и хозяйственных нуждах! Да благословит вас Господь!